

Людміла Зарэмба, *Слова ў зменлівым свеце. Літаратурна-крытычныя артыкулы*, Бібліятэка Беларускага літаратурнага аб'яднання, Беласток 2005, сс. 173

Появление любой научной работы о *Слове о полку Игореве* – это всегда ожидание нового прочтения уникального древнего памятника. Книга Людмилы Ивановны Зарембо интересна прежде всего концепцией интертекстуального анализа творчества поэтов белорусского зарубежья (преимущественно представителей польского региона) в соотнесении с традицией *Слова о полку Игореве*. Ознакомление читателя, как филолога-специалиста, так и непрофессионала-любителя, с именами Яна Чиквина, Мاسея Седнёва, Владимира Гайдука, их поэтическим миром, соприкоснувшимся так или иначе с древней песнью, несомненно можно назвать новым словом о *Слове*... Полезным представляется и информативный материал о генетическом и художественно-эстетическом сопоставлении *слаўнай даўніны з бягучым днём*, поскольку, как нас убеждает исследовательница, *свой эстэтычны змест Слова аб полку Ігаравым раскрывае нам вельмі ж павольна, у выніку немалых намаганняў даследчыкаў самых розных перыядаў* (16). На вопрос, какую позицию в этом процессе занимает белорусская культура, даётся однозначный ответ: *больш значную і ўплывовую, чым мы прызвычаліся ўсведамляць* (там же).

Рецензируемая книга представляет собой сборник литературно-крити-

ческих статей, написанных в разные годы (с 1997 по 2003), но расположенных не в хронологическом порядке (по мере их создания), а выдержанных в продуманной компановке научно-тематических предпочтений, последовательно вытекающих одно из другого и одновременно взаимно накладывающихся и пересекающихся в общем концептуальном ракурсе. В первом разделе сборника доминирует *тэма зменлівага свету Слова...* Л. Зарембо составила исчерпывающий комментарий всех известных обращений белорусских филологов и писателей к знаменитому памятнику на фоне общей панорамы осмысления, усвоения и воплощения художественно-эстетических ценностей древнего шедевра в белорусском культурном ареале. Их обзор дополняется и конкретизируется рассмотрением оказавшихся на проверку наиболее репрезентативными стихотворных переложений *Плача Ярославны*. Поэты разных поколений, различных художественных предпочтений и творческого темперамента – Николай Анцукевич, Анатолий Велюгин, Ян Чиквин, Масей Седнёв – обращались к *Слову* именно через монолог Ярославны. В статьях из первого раздела *Вобраз Яраслаўны ў паэтычным асэнсаванні Анатоля Вялюгіна і Яна Чыквіна* и *Плач Яраслаўны ў кантэксце творчасці Масея Сяднёва* Л. Зарембо проводит блестящий анализ всех белорусских *Плачей* в аспекте сонесения общей тенденции восприятия древнего текста в современном мире с индивидуально-авторскими вариантами его творческой реактуализации. При этом исследовательница сама искренно удивляется и восхищается, побуждая к тому и читателя, феноменом приобретения литературой нового времени абсолютно самодостаточных поэтических версий одного из самых эмоциональных эпизодов *Слова...*:

Даўняя падзея ажыла нанова ў *Песні пра князя Ізяслава Полацкага* (Максіма Багдановіча – А.Ш.). Увесь жа наступны час засведчыў арыентацыю беларускіх пісьменнікаў на плач Яраслаўны. Верш з такой назвай быў расшуканы ў паперах Мікалая Анцукевіча, датаваць твор можна 1926–1973 гадамі. У 1942-м да той жа дзеі звярнуўся Анатоля Вялюгін, завершана праца была ў 1963-м. Снежнем 1972 года пазначыў свой *Плач Яраслаўны* Ян Чыквін, 1991-м годам – Масей Сяднёў. Здавалася б, матэрыял павінен даваць падставы для існавання момантаў творчай пераемнасці, нават фарміравання пэўнай традыцыі. Але ж па стылістыцы, эмацыянальнаму каларыту, а бывае нават і па аўталагічным змесце вершы гэтак розніцца між сабой, што на першы погляд цяжка ўсвядоміць існаванне агульнага для ўсіх іх пратотыпа. Уражваюць часам адвольная паэтычная вобразнасць (М. Анцукевч), гімнічнае ўслаўленне вялікай патэнцыяльнай сілы нашых продкаў (Я. Чыквін), трагічнае напружанне, суровасць і змрочная пяшчота (*пераказ* А. Вялюгіна) альбо энергія і жыццёдайная цеплыня роднаснага атулення (М. Сяднёў). І гэта ў тых варунках, што плач – адно з найбольш “ясных” месцаў тэксту (51–52).

Во втором разделе книги внимание исследовательницы сосредоточено на поэтических сборниках Яна Чиквина. В двух статьях подробно и компетентно рассматривается своеобразие художественного мира талантливого белосточского писателя. Третья статья раскрывает литературные индивидуальности Я. Чиквина и В. Гайдука в диалоге их поэтик. Наконец, последний раздел также являет собой некую «триаду» критических обзоров творчества белорусских поэтов Белосточкины.

Белорусский контекст *Слова о полку Игореве* представлен в рецензируемой книге широко и многосторонне. Л. Зарембо проникательно подметила актуальность обращения творческих личностей к уникальному памятнику:

Пачуццё мясцовага і беларускага нацыянальнага патрыятызму гучала ва унісон старажытнаму *Слову*... ва ўсе часы і, зразумела, нараджала глыбокую повязь даўніны з бягучым днём. Гэта, відаць, самы значны накірунак росшукаў і адкрыццяў, звязаных са *Словам*... Усведамленне ж нашых асаблівасцей тлумачэння і адносінаў да *Слова*... часта дае нам магчымасць зразумець, удакладніць многае ў саміх сабе і нашым часе (6).

Автор демонстрирует завидную эрудицию и филологическую компетентность в изложении информативного материала, представив практически исчерпывающий свод сведений о белорусской Словиане – энциклопедические труды, литературоведческие изыскания, поэтические переводы, переложения, вариации на тему Игорева похода (от речи профессора Виленского университета Ивана Чернявского в 1803 году до критических и художественных текстов конца XX века). Безусловно, не выпали из обзора знаковые имена Янки Купалы, Максима Богдановича, Рыгора Бородулина, но, что очень важно, предпочтение отдаётся малоизвестным авторам, воссоздававшим старинную песнь поэтическим языком нового времени. Воздадим должное и исследовательнице, возродившей из забвения имена переводчиков *Слова*... – Максима Горьцкого, Н. Анцукевича, Д. Бохана, открывшей читателю стихотворение Сергея Урсыновича *Из «Слова о полку Игореве»* и переложения *Плача Ярославны* поэтами белорусского зарубежья.

На фоне общего фактологического материала заслуживает внимания серьёзный научный дискурс, подтверждающий личностную позицию Л. Зарембо в трактовке актуальных дискуссионных проблем, обсуждаемых в современном слововедении. Так, она критически отреагировала на канонизированное определение главной идеи *Слова*...

Але відавочна, хіба не без падказкі Кацярыны II, галоўнага “спонсара” росшукаў даўніны, цэнтральная ідэя помніка (аб’яднанне праз падпарадкаванне) ва ўступным ужо артыкуле (выданні 1800 г. – А.Ш.) была прызнана як безумоўна ўсеахопная, пануючая і самадастатковая ў творы. Што й казаць, заклік да дзяржаўнага яднання, патрыятычнага процістаяння знешнім ворагам і г.д. вельмі ж імпанавалі афіцыйнай ідэалагеме Расіі на пачатку XIX стагоддзя. Усе іншыя аспекты абыходзіліся маўчаннем, як “не заўважаліся” у *Слове*... (9).

Изначально официальное толкование *Слова*..., конъюнктурное «выпячивание» общественно-политической концепции в ущерб художественной ценности уникального памятника привели, в итоге, к культивированию клерикальной идеи и отношению к древней поэтической песни как к религиозной проповеди. Полностью разделяю и поддерживаю мнение коллеги, указавшей исходные причины возникновения данного идеологического пассажа:

Па гэтай жа прычыне (афіцыйнасці ўспрыняцця – А.Ш.) “даравалі” твору і шматлікія элементы паганства, засяродзіўшы ўвагу на тым, што напрыканцы сам Бог *Игореві князю ... путь кажаць ізъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу, у Кіеѹ ...* Узгадаем жа, што *Словам*... займаліся, вывучалі, перакладаалі многія аўтарытэтных царкоўных дзеячы. Тут

можна назваць хаця б імёны мітрапаліта Кіеўскага і Галіцкага Я. Балахавіцінава, пратаірэя, прафесара багаслоўя Пецяўбургскага універсітэта, Духоўнай акадэміі Г. Паўскага. Апошні гэтаксама, як і паэт В. Жукоўскі, перакладаў *Слова...* і Евангелле, выхоўваў самадзержца Аляксандра II. Спалучэнне такіх мадуляцый іх дзейнасці ізноў жа паказвае, як імпанавала *Слова...* расійскай дзяржаўнасці... (9–10).

Аналіз беларускага контекста *Слова о полку Игореве*, такім образом, не вызывае сомненняў у скрупулёзнасці, падрабязнасці і дэталёнасці коментарыя. Некамерое нелудобства, правда, вносіць прадпочтённый Л. Заремба хроналагічскі прынцып падачы інфармацыі. Распределение ёй па жанровым рубрыкам пазваліла бы избегать определённой иллюстративности и повторов, а также дало бы возможность более отчётливо обозначить принципиальную разницу в критериях рассмотрения и оценки исследуемого материала, а именно: теоретического аспекта критической статьи и творческой задачи художественного перевода. Впрочем, принцип хронологической последовательности в научно-информативном обозрении белорусской Словианы иногда нарушается, и особенно это приобретает своеобразную знаковуюсть в заключительной части, где речь идёт о *первом* в восточнославянской медиевистике энциклопедическом словаре “*Слово о полку Игореве*” в литературе, искусстве и науке – грандиозном филологическом труде, заслугу создания которого, вслед за Л. Заремба, мы воздаём Михаилу Гапеевичу Булахову (кстати, работающему сейчас над вторым, дополненным и расширенным изданием).

Рядом с бесспорными удачами некоторые сомнения вызывают три момента.

Архаичным на общем фоне выглядит обращение, причём в критическом ракурсе, к книге Дмитрия Лихачёва *Слово о полку Игореве: Историко-литературный очерк* (13–14). Критиковать пассажи знаменитого академика в данном случае практически нет смысла, так как издание 1950 года, равно как и последующие многочисленные переиздания, давно уже утратили актуальность, поэтому ссылка на них в серьёзной полемике воспринимается анахронизмом.

Эмоциональным излишеством видится акцентуация (троекратно!) белорусских корней *Слова...* Впрочем, Л. Заремба воспроизводит мнение М. Горецкого:

У 1920 годзе М. Гарэцкі ў сваёй *Гісторыі беларускай літаратуры*, якая папярэднічала выданню *Хрэстаматый...* з перакладам *Слова...*, пасля пераказу зместу твора звярнуў увагу на яго “беларускасць”. Апошнія, на яго думку, у сваім “духу творчасці”, у словах “арыгінальна-беларускіх”, у захапленні “славаю полацкага князя Усяслава Чарадзея”, у “добрым разуменні” адносінаў “беларуска-украінскіх” і веданні аб літоўцах, “аб змаганні з імі беларускіх плямённяў” (24).

Безусловна, нікому з восточных славян не возбраняется гордиться феноменом *Слова о полку Игореве...*, но – без ложного узконационального гонора! В чём резон того, что всякий будет поверять *Слова...* русскостью ли, белорусскостью, украинскостью?.. Ещё Александр Пушкин в своё время высказался о недопустимости других доказательств, как *слова самого песнотворца*. В унисон ему известный медиевист XX века Игорь Ерёмин убеждал, что *нельзя*

искать в художественном произведении того, чего в нём нет. Откуда было в XII столетии взяться оригинальной белорусской лексике, да и самим белорусам и украинцам, их «добрым отношениям» и т.д.? Остаётся поставить только знак вопроса по поводу столь сомнительного, мягко выражаясь, исторически некорректного пассажа и пиететного отношения к нему чуткой и тактичной исследовательницы, пусть даже она далее и дистанцируется от высказываний писателя, ссылаясь на его право *слушателя свайго сэрца*...

Не могу согласиться и с трактовкой имманентной структуры *Золотого слова Святослава*. Л. Зарембо выделяет в нём сон, разъяснение его боярами, собственно золотое слово и размышления Автора (86). Думается, что текст обращения к князьям некоторые исследователи поспешили приписать создателю *Слова*... Здесь, очевидно, поэт гениально использует риторический приём корректного “самоустранения”, вкладывая свои мысли в уста авторитетной личности.

Обратимся далее к интертекстуальному диалогу поэтик древней и современной, интерпретированному Л. Зарембо. Исчерпывающе представлен в книге сопоставительный анализ четырёх переложений *Плача Ярославны* как в сопоставлении со *Словом*... (А. Велюгин, с. 34–44; Я. Чиквин, с. 44–50, 85–87; М. Седнёв, с. 51–70), так и во взаимосвоеобразии творческого преломления прототекста. Различные способы рекомбинации древнего сюжета при наличии бесспорных переключек со *Словом*... у А. Велюгина и Я. Чиквина характеризуются в перекрёстном сравнении *Плачей*:

Відавочна, магутная лірычная сіла старадаўняга жаночага вобраза і ў дваццатым стагоддзі (для Вялюгіна – А.Ш.) спрыяла раскрыццю духоўнага свету Асобы ў мастацтве, узаемазвяззей чалавека з грамадствам і асэнсаванню эпахальных праблем. Вобраз Яраслаўны набыў статус своеасаблівага пазітыўнага сімвала ўвасаблення еднасці агульнанародных ідэй і памкненняў з надзвычайным моцным асобасным пачаткам.

Можна сказаць, прамым спадкаемцам А. Вялюгіна ў гэтым тэматычным літаратурным рэчышчы стаў паэт, вельмі ж непадобны да яго і ўвогуле надзвычай неардынарны – Ян Чыквін. Яго паэтычны свет, як здаецца, сканцэнтраваны на ўвасабленні не дзеянняў, а роздумаў, патэнцыяльных мажлівасцей чалавека. Герой нязменна знаходзіцца не ў грамадзе, а адзін на адзін з сусветам... Носьбітам гэтай ідэі напружанага духоўнага ўзлёту да гармоніі становіцца Яраслаўна... (43–44).

Л. Зарембо расширяет панораму интертекстуальных аналогий, привлекая к поэтическому диалогу художественные произведения древнегреческой (Гомер – *Одиссей и Навсикая* Я. Чиквина), русской (Василий Жуковский, Константин Батюшков, Николай Гоголь, Фёдор Достоевский – Ян Чиквин), польской (перевод Эльжбетой Феликсяк стихов Чиквина) литератур. Отдельно следует отметить замечательную находку Л. Зарембо – малоизвестное стихотворение на русском языке *Из «Слова о полку Игореве»* С. Урсыновича. В первом русском переводе *Слова* Д. Бохана она подметила *перакладчыцкі вопыт* А. Майкава, М. Гербеля, Л. Мея (21). Посылком к созданию вариации С. Урсыновича, по мнению исследовательницы, стал реальный фактор – *трагізм ваенных падзей на тэрыторыі Беларусі ў пачатку XX веку* (22), обостривший внимание

к *Слову*... Однако, возможно, побудительным импульсом обращения к древней песни может оказаться и опосредованное влияние поэзии Серебряного века, где нередко всплывают аллюзии *Слова*. Ярким тому примером является вариация на тему Степи – сонет Максимилиана Волошина *Гроза*. При безусловной разнице оригинальных авторских версий, в обоих стихотворениях присутствуют элементы, сопряжённые с внутренней организацией поэтического дискурса *Слова*...: искусная корреляция реальных и аллегорических образов «степного» мотивного комплекса, изобразительные аналогии, идентичный способ стилизации:

Зарницы синие трепещут беглой дрожью.
Шуршит глухая степь сухим быльём и рожью,
Вся млеет травами, вся дышит душной мглой
И тутнет, гулая. Див кличет пред бедой
Ардавде, Корсуню, Поморью, Посурожью, –
Земле неизвестной разносит весть Стрибожью:
Птиц стоном убуди и вста звериный вой.

(М. Волошин)

Далека земля родная.
Смолкли песни соловья.
Степь насупилась чужая,
Вести скорбные тая...
Степь безбрежна и широка,
Смутных бликов степь полна,
Ах, зашла ты, Русь, далёко
В поле вражие одна!

(С. Урсынович)

Из всех статей сборника самыми удачными представляются две статьи о художественном мире Яна Чиквина. Воздадим должное исследовательнице, открывшей для белорусского читателя поэзию незаурядной творческой личности. Понятны и оправданы восторг и эмоциональная реакция досель серьёзного и скрупулёзного критика на стихи Я. Чиквина, которые воспринимаются ею *зрадні струменям тое грэцкае ракі, у якую нельга ўступіць двойчы. “Уваходзіш” – назаўсёды, а зборнікі – нязменная і прыцягальна своеасаблівая ў сваім адзінстве зменлівасці* (89). В относительно кратком, но чрезвычайно привлекательном, полезном и содержательном анализе Л. Зарембо проиллюстрировала это “*адзінства зменлівасці*” на произведениях из четырёх стихотворных сборников Я. Чиквина – *Светлы міг*, *Кругавая чара*, *Свет першы і апошні*, *Крэйдавае кола*, не обойдя вниманием и актуализацию в новом исследовательском ракурсе стихотворения *Плач Яраслаўны*. Смущает только одно: в рамках анализа, за исключением *Плача*, лирика Я. Чиквина представлена вне интерконтекста *Слова о полку Игореве*. Приведены примеры творческих переключек с Гомером, Гоголем, Достоевским. *Слово*... оказалось обойдённым молчанием. А какой же это богатый и благодатный материал! Уже символика названий сборников поэта – отдельная большая тема. В статье она намечена, когда автор пишет о “чистом времени”, принявшем форму *найбольш поўнадасканалую і завяршальную. Тут нешта зрадні “зачараванаму колу”, “магічнаму” кругу – найбольш пашыранаму геаметрычнаму сімвалу. Круг...азначае адмежаванне космасу ад хаосу, з’яўляецца праекцыяй шара, касмічнай сферы, сонца...* (96–97). Мотивная линия солнца (космоса; света внутри круга) – тьмы (хаоса; отсутствия света вне круга), как отмечает Л. Зарембо, центральная в поэзии Я. Чиквина: “*Саларызацыя*”, *змены ў сэнсавым напаўненні... вобразаў... адлюстроўвае пэўныя глыбінныя зругі філасофска-светасузіральнай пазіцыі Яна Чыквіна* (100). Символика солнца главенствует и в поэтическом космосе *Слова о полку Игореве*, не только идейно и изобразительно-вы-

разительно обрамляя текст, но даже композиционно “замыкая” его в символический круг. Наглядное тому подтверждение – лексически эквивалентное «скрепление» начала и конца сюжетного повествования:

В начале:

Начати же ся тѣй пѣсни...

Боянъ бо вѣщий, аще кому хотяше
пѣснь творити...

<**Игорь**> възре на свѣтлое солнце и видѣ
отъ него тѣмоу вся своя воя прикрыты...

В конце:

Пѣвше пѣснь старым княземъ, а **потомъ**
молодымъ пѣти!

Рекъ Боянъ и Ходына...

Солнце свѣтитъ на небесѣ – **Игорь** князь
въ Руской земли.

Тонко проанализирована в одной из статей колористическая палитра стихотворений Я. Чиквина, но, увы, опять безотносительно к *Слову*... Своеобразие цветофона в многокрасочном мире художника, как подмечает исследовательница, *у спалученні з частым выкарыстаннем ценяў і адценняў чорна-белага – да малюнкаў, у аснове якіх абрыс, лінія (звычайна плаўная) і раптам – іскрысты чырвоны сонечны ўсплеск!* Многоцветный мир живописуется и в *Слове*..., но вся гамма красок видится в двух тонах: светлом и тёмном. Древний поэт аналогично современному использует цвета как формы и модальности света и его отрицания – тьмы. Космический свет и хаотическая тьма очерчивают хроматическую линию, разграничивающую миры-антиподы.

Уже анализ только соляного мотива позволяет выстроить интересную интертекстуальную параллель: солнечный круг в *Слове о полку Игореве* и поэзии Яна Чиквина. Впрочем, поверим автору книги, которая предупредила, что многие художественные особенности поэзии Яна Чиквина остались неохваченными её вниманием. Будем с нетерпением ожидать интересных открытий талантливого исследователя и серьёзного критика, каким проявила себя в рецензируемой книге Людмила Зарембо.

Антонина Шелемова
Ченстохова